

Валентина Брио

"Триумвират поэтов" : Милош, Бродский, Венцлова

Studia Rossica Posnaniensia 33, 5-16

2006

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

„ТРИУМВИРАТ ПОЭТОВ”: МИЛОШ, БРОДСКИЙ, ВЕНЦЛОВА

“THE TRIUMVIRATE OF POETS”: MIŁOSZ, BRODSKY, VENCLOVA

ВАЛЕНТИНА БРИО

ABSTRACT. The author describes diverse connections between three poets from Eastern Europe: Czesław Miłosz, Joseph Brodsky and Tomas Venclova. She shows personal relationships between the members of, as she called it, the triumvirate of poets and certain similarities of their lots. Presentation of specific motifs such as: homesickness, devotion to mother tongue, or the motif of specific situation of an emigrant, connecting works of the discussed poets constitute the main part of the article.

Валентина Брио, Гебраистский университет, Иерусалим – Израиль.

Я смотрел на поэта, и думал: счастье,
Что он пишет стихи, а не правит Римом,
Потому что и то и другое властью
Называется...

А. Кушнер, *Памяти Бродского*, 1996

Вынесенное в заголовок своего рода самоопределение принадлежит Чеславу Милошу: „...установился в Америке триумvirат поэтов, русско-литовско-польский, может быть, заповедь тех времен, когда дружба между нашими народами не будет пародией, как сейчас”, – так он писал, рассказывая о знакомстве с Венцловой в своей книге *Ogród nauk (Сад наук, Париж 1981)*¹.

Три поэта представляют народы, и веками враждовавшие, и веками связанные сложными и трагическими историческими обстоятельствами.

Поэтическая дружба – вещь редкая, может быть, невозможная. Поэту легче дружить с прозаиком, с человеком любой другой профессии и дарования. [...] дело, прежде всего в разном понимании поэтических задач, в ориентации на разные образцы, в раз-

---

¹ Cz. Miłosz, *Ogród nauk*, Paryż 1981, с. 205 (перевод мой – В. Б.); в дальнейшем, если не указан переводчик, перевод с польского и литовского – мой (В. Б.).

ных поэтических родословных. Миф о поэтическом братстве, о трогательной любви между поэтами – выдумка прекраснородушного литературоведения²,

– пишет поэт Александр Кушнер, отталкиваясь от одного мифа (о братстве поэтов), но примыкая к другому – о царском одиночестве поэта. На то и мифы, чтобы поэты, даже их творя, в них, тем не менее, не вмещались, как и вообще в любые рамки: течения, стиля, поэтики, легенды или мифа. Мы легко найдем и противоположное утверждение другого современника (точнее современницы) Дианы Абаевой-Майерс и тоже, как и предыдущие, о Бродском:

...у Иосифа была какая-то тоска по братству поэтов. И круг Ордена и Спендера представлялся ему подобным братством. [...] Иосиф и они были люди одной человеческой породы, одного человеческого языка³.

Следует все же признать и тот факт, что мировая история литературы не изобилует примерами дружбы поэтов. Триумвират, о котором пойдет речь, принадлежит к редким опытам.

Их имена называются вместе нередко, но могу назвать только одну работу, посвященную им троим одновременно: доклад поэта и переводчика, литературоведа Виктора Куллэ *Милош, Венцлова, Бродский. Постэсхатологическое сознание восточноевропейской поэзии* в 1993 г., прочитанный в Болгарии, и, насколько мне известно, не опубликованный (значится в библиографиях Бродского)⁴. Думается, нужна работа, которая охватила бы разные аспекты творчества и культурной деятельности трех поэтов. Естественно, и в данной статье задача такого масштаба не ставится. Здесь хотелось бы сосредоточить внимание на вопросах, связанных с осмыслением и переживанием поэтами эмиграции, где и сложился триумвират.

Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что речь здесь пойдет только об общем, сближающем трех поэтов, о том, что способствовало их „триумвирату”, что его обусловило и поддерживало; поэтому я почти не касаюсь их индивидуального своеобразия, а также „одиночества” каждого из них в родной поэзии (в соответствии со словами Бродского: „человек, создавший мир в себе и носящий его, рано или поздно становится инородным телом в той среде, где он обитает”)⁵.

² А. К у ш н е р, *Здесь на земле...* В: *Иосиф Бродский: труды и дни*, авторы состав. Л. Лосев и П. Вайль, Москва 1998, с. 162.

³ Д. А б а е в а - М а й е р с, *Мы гуляли с ним по небесам... (Беседа с И. Берлиным)*. В: *Иосиф Бродский: труды и дни*, указ. соч., с. 95.

⁴ В. К у л л э, *Милош, Венцлова, Бродский. Постэсхатологическое сознание восточноевропейской поэзии. Доклад на Международной литературной Академии „Христо Ботев” (Болгария, сентябрь 1993 [неопубликовано])*. В: *Русские поэты о Бродском*, библиография состав. В. Полухиной (1994), дополненная В. Куллэ (1996). Интернет-версия: www.screen.ru/vadvad/Litoboz/brbibl2.htm

⁵ И. Б р о д с к и й, *Заметка о Соловьеве*. В: *Сочинения Иосифа Бродского*, т. VII, Санкт-Петербург 2001, с. 61.

Позволю себе очень кратко напомнить биографические факты, касающиеся их встречи и дружбы. Чеслав Милош, в 1951 г. находившийся в польской дипломатической службе в Париже, уже известный и как поэт, сознательно стал эмигрантом (невозвращенцем), такой шаг дался ему очень нелегко, но ситуация виделась безвыходной: быть писателем в Польше не представлялось возможным. Новая жизнь начиналась фактически в изоляции: не только прежние связи были оборваны, но и польская эмиграция Милоша поначалу не приняла. Выживать пришлось фактически в одиночку, поддержку ему оказало очень небольшое число людей, верность поэту сохранила лишь его Муза. Но, по собственному признанию, этот горький опыт придал ему сил: „...изгнание разрушает, но если тебя не разрушит, будешь благодаря ему сильнее”, – написал он позднее в эссе *O wugnaniu (Об изгнании)*⁶. Тяжкий опыт он превратил в источник помощи другим. Когда в 1972 г. в эмиграцию был выдворен Иосиф Бродский, Милош написал ему письмо: „Я там говорил о первом и самом тяжелом периоде изгнания, который он должен перетерпеть, что потом будет легче. Это также был привет и некоторая поддержка”⁷.

Бродский этот урок усвоил. Когда, вскоре они встретились в Америке, от Бродского Милош узнал о его друге литовском поэте и диссиденте Томасе Венцлове, который вдобавок был земляком Милоша, так как городом юности для них в разное время был Вильнюс. Вскоре и Венцлова оказался в США: его находившегося в конфронтации с властями и написавшего письмо протеста в ЦК, чудом „выпустили” читать лекции в университете в Беркли по приглашению Милоша; за этим, конечно, стоял явный умысел: через несколько месяцев Венцлову лишили советского гражданства, так в 1977 г. и он стал эмигрантом.

Так сложился их союз, который был не просто личной дружбой, но стал значимым и символическим феноменом культуры. Не случайна и „организующая”, инициативная роль Милоша: он представляет польскую литературу с ее уникальным опытом эмиграции. Милош не раз говорил, что представление об изгнании как о величии и судьбе сложилось у него довольно рано и было вынесено из усвоения уроков польской романтической литературы. Не случайно, и Венцлова и Бродский не раз отмечали важность для себя именно польского опыта: „Нам потребовалось окно в Европу, и польский язык такое окно открыл (Бродский)”⁸.

---

⁶ Cz. Miłosz, *Szukanie ojczyzny*, Kraków 1992, s. 185. Цитаты из эссе Милоша привожу в основном своем переводе, однако частично использую также перевод В. Дубина (В. Б.).

⁷ *Гигантское здание странной архитектуры. Интервью с Чеславом Милошем 6 октября 1990, Лондон*. В: В. П о л у х и н а, *Бродский глазами современников*, Санкт-Петербург 1997, с. 315.

⁸ Там же.

Для Милоша объединяющая роль естественна, он даже писал о своей принадлежности к тем, кто „создает «соединительную ткань» там, где национальные противоречия кажутся непримиримыми”⁹.

Здесь, за границей, – писал он, – нас выбросило из истории, которая всегда является историей определенной территории на карте, и нужно сопротивляться этой, если воспользоваться выражением эмигрантского писателя, „невыносимой легкости бытия”¹⁰.

Писателю необходима укорененность и в современности, и в истории, и в традиции. Каждый из трех осознавал себя как поэта, творца – в своем языке. Бродский писал: „...никакая другая форма бытия не детерминирует сознание так, как это делает язык”¹¹. Венцлова назвал язык „одной из сил, придающих истории меру и форму”¹²; „домом поэта” считал язык Милош¹³. Как объяснял Бродский, для писателя состояние изгнания и вообще в значительной степени событие лингвистическое: выброшенный из родного языка, он отступает в него. Из его, скажем, меча язык превращается в его щит, в его капсулу¹⁴.

В этих словах явная перекличка с представлением Венцловы о „щите Ахила”, которым для поэта является белый лист бумаги, слово, сама поэзия; – об этом его стихотворение, так и названное *Achilo skydas* и посвященное Бродскому

Исчезают города. Вместо природы –
Лишь белый щит, перевесивший небытие¹⁵.

Здесь также и один из многочисленных примеров диалога поэтов.

Язык для каждого из трех поэтов – величайшая ценность, но он не становится самоцелью или вещью в себе. В своем трагическом мироощущении каждый из них, как поэт и человек привержен памяти, традиции, вообще „старым” ценностям (об этом нетрудно найти их прямые высказывания). И в этом их поэзия порой противопологается западной. Об этом прямо сказал Милош: „На мой взгляд, существенное отличие состоит в том, что мы, «восточноевропейские», верим в примитивные представления о добре и зле”¹⁶.

⁹ Cz. Miłosz, *Szukanie ojczyzny*, указ. соч., с. 9.

¹⁰ Там же, с. 179.

¹¹ И. Б р о д с к и й, *Послесловие к „Котловану” А. Платонова*. В: *Сочинения Иосифа Бродского*, указ. соч., с. 73.

¹² Т. В е н ц л о в а, *Поэзия как искупление*, „Двадцать два” 1985, № 41, с. 200.

¹³ Ч. М и л о ш, *Борьба с дудушем*. В: *Иосиф Бродский...*, указ. соч., с. 246.

¹⁴ И. Б р о д с к и й, *Состояние, которое мы называем изгнанием, или Попутного ретро* (1987). В: *Сочинения Иосифа Бродского*, т. VI, Санкт-Петербург 2000, с. 35.

¹⁵ Т. В е н ц л о в а, *Rašnekesys žiemis*, Vilnius 1991, с. 99 (*Разговор зимой. Стихи*). Ср. в поэтическом переводе В. Гандельсмана: „Противовесом смерти и судьбе / послужит белый щит как символ веры” – В: Т. В е н ц л о в а, *Граненый воздух. Стихотворения*, пер. с литовского В. Гандельсмана, Москва 2002, с. 23.

¹⁶ „Newsweek” 1983, nr 6.6.

Отличие это не оставалось незамеченным: ирландский поэт (и Нобелевский лауреат) Шеймус Хини написал о Бродском:

Я говорю об абсолютной убежденности Иосифа Бродского в надежности поэзии как силы добра – не столько „для пользы общества”, сколько для оздоровления индивидуального человеческого сознания, души¹⁷.

Все три поэта высказали свои размышления о писателе в эмиграции неоднократно: в интервью, статьях и специальных эссе: Милош – *О wugnaniu (Об изгнании, 1988 г.)*, вошло в книгу *Szukanie ojczyzny*, Бродский – *Состояние, которое мы называем изгнанием, или Попутного ретро (1987)* и Венцлова – в опубликованной лекции (на 4. Всемирном конгрессе молодых литовцев) *Ar galima kultūros kūryba išėivijoje? (1979, Возможно ли культурное творчество в эмиграции?)*.

Став эмигрантами, каждый из них и все вместе они разрушили миф или традиционную парадигму поэта-эмигранта; по определению Венцловой, – либо переставшего писать, „либо культивирующего образ «народного трибуна», либо предающегося ностальгии”¹⁸. Нет нужды доказывать, что и читатель у этих поэтов был всегда, а Венцлова как-то сказал, что в эмиграции он стал ближе к литовскому читателю (причем, по обе стороны Атлантики); перефразируя это, можно сказать и о двух других поэтах.

Недавно, уже после значительного опыта эмиграции, Венцлова сказал, что „пуповина, связующая с родиной, может быть перерезана, и это позволяет человеку повзрослеть”¹⁹. О внутренней перемене писал и Милош: „изгнание – не только пересечение границ, оно созревает в нас, переформирует нас, становится судьбой”²⁰.

Изгнание, эмиграцию они приняли как судьбу, и в этом кажется, сила позиции. Их размышления о писателе в эмиграции во второй половине XX века открывали новые ракурсы в старой теме; к примеру, Венцлова, обращаясь к литовцам, говорил:

Эмиграция в XX веке стала моделью судьбы. Человек XX века вообще в большей или меньшей степени утратил почву. И будучи классическим примером людей этого века, мы и можем, и должны пользоваться своей ситуацией для создания новых ценностей [...]. Народы и страны должны иметь определенные слои эмиграции, даже если

---

¹⁷ Ш. Х и н и, *Песнеслагатель (об Иосифе Бродском)*. В: *Иосиф Бродский...*, указ. соч., с. 260.

¹⁸ Т. В е н ц л о в а, *Бродский и Ват. Замечания к теме*. В: *Статьи о Бродском*, Москва 2005, с. 125.

¹⁹ *Поэзия важнее, чем крестовые походы... С Томасом Венцловой беседовал Никита Алексеев*, „Иностранец. Еженедельная газета”, 9.7.2002 (№ 24), Интернет-версия: <http://inostranets.ru/cgi-bin>

²⁰ Cz. M i ł o s z, *Szukanie ojczyzny*, указ. соч., с. 180.

не будет диктатур, так как это изменяет сознание, обогащает культуры. Такой слой даже помогает своей стране²¹.

Важной задачей эмиграции Венцлова видел (в конце 1970-х – 80-е гг.) то, что она должна помочь своей несвободной стране, она должна „транслировать в Литву западный культурный опыт“²².

Качественное отличие изгнания в XX веке, по мысли Милоша, во всем большем сокращении и расстоянии, и различий между отдельными странами. Великий изгнанник Данте, покинув родную Флоренцию, переезжал из города в город. Однако сейчас все эти города расположены в границах одного государства – Италии. И движение технического прогресса таково, что уже можно рассматривать перемещения людей как бы в пределах одной территории – назвать ли ее Европой, континентом или миром²³. Это писалось 1988 г., но сейчас к техническим предпосылкам, о которых говорил поэт (развитие транспорта, рост городов, и др.), добавились и политико-экономические: объединенная Европа. Надо сказать, ЕС они видели неоднозначно положительно. Идея Объединенной Европы внушала Бродскому тревогу за будущее литературы: ведь тогда будет поощряться полиглотство; ценой, которую придется за это заплатить, станет потеря читателя национальных литератур и низкий уровень владения родным языком²⁴.

По-новому увидели они и положение писателя-эмигранта: и в конкретности, и в экзистенциальной сущности, – в историко-культурной перспективе современности. В XX веке мигрируют тысячи и миллионы, согнанные с родных мест войнами, экономическими трудностями, политическими преследованиями. Милош проводил параллель:

Эмигрант, к примеру, писатель, художник, интеллектуал, который оставил свою страну по своим, скажем так, причинам или прихотям, а не только гонимый страхом голода или преследований, не может мыслить о своей судьбе в отрыве от судьбы этих масс. Их кочевое существование, трущобы, где они нередко ютятся, пустыни неприступных улиц, на которых играют их дети, это в определенном смысле и его участь; он ощущает свою с ними солидарность и задумывается, а не есть ли изгнание – все более универсальный образ человеческого удела?²⁵

Не случайно Бродский назвал изгнание „состоянием метафизическим“²⁶. Эмиграция также сродни состоянию человека, переселившегося, например, из провинции в крупный промышленный центр. Милош писал:

²¹ T. V e n c l o v a, *Vilties formos*, Vilnius 1991, с. 77–78 (*Формы надежды*, сборник эссе и статей, на литовском языке).

²² Там же, с. 80–81.

²³ См.: Cz. Miłosz, *Szukanie ojczyzny*, указ. соч., с. 180–181.

²⁴ И. Б р о д с к и й, *Что видит луна?*, перевод из английского Е. Касаткиной. В: *Сочинения Иосифа Бродского*, т. VII, указ. соч., с. 206.

²⁵ Cz. Miłosz, *Szukanie ojczyzny*, указ. соч., с. 181.

²⁶ И. Б р о д с к и й, *Состояние, которое мы называем изгнанием, или Попутного ретро*. В: *Сочинения Иосифа Бродского*, т. VI, указ. соч., с. 27.

...утрата гармонических связей с окружающим пространством, невозможность чувствовать себя в мире как дома, так угнетающая переселенца, изгнанника, эмигранта, как бы мы его ни назвали, парадоксальным образом, включает его в современное общество и дарит ему, если он художник, уверенность, что он будет понят всеми. И даже более того, чтобы выразить экзистенциальную ситуацию современного человека, художник должен жить в каком-то изгнании²⁷.

Бродский, как и Милош, писал о *Gastarbaiters*, о родстве с ними писателя, однако он видел ситуацию острее: они (т.е. *Gastarbaiters*) осложняют серьезный разговор о трудной судьбе писателя в изгнании²⁸.

И все же в некотором отношении „положение писателя, по существу, гораздо хуже положения любого *Gastarbaitera* или среднего беженца”, которые „лишают его ареола исключительности”. Так происходит, даже несмотря на то, что „дорога эта для изгнанного писателя во многих отношениях подобна возвращению домой, потому что он приближается к местонахождению идеалов, которыми всю жизнь вдохновлялся, – ведь из тирании можно изгнать только в демократию”. Дело в том, что здесь и подстерегает главный парадокс: демократия обеспечивает физическую безопасность, но делает писателя социально незначительным. С чем писатель смириться не может, поскольку, как определил Бродский, „стремление к значимости часто составляет основу его литературной биографии”²⁹. Таким образом, суть изгнания качественно изменилась: это не перемещение из цивилизованного мира в дикий, а переход в „индустриально передовое общество”, где провозглашается свобода личности. И писатель часто оказывается в ситуации, которую можно обозначить заглавием книги Г. Адамовича – *Свобода и одиночество*.

В размышлениях о художнике в изгнании постепенно на первый план выдвигалась чрезвычайно важная проблема памяти, сопряжения прежнего и нового опыта. По словам Бродского, „писатель в изгнании [...] ретроспективное, глядящее вспять существо”³⁰.

У каждого из трех поэтов сложился миф своей Итаки, вобравший значительную литературную традицию: от Гомера, через Джойса (Венцлова, например, является и переводчиком части его романа на литовский язык), через Кавафиса (которого все они переводили). В сложном соединении/сталкивании различных традиций они творили свой индивидуальный миф. Рядом с этим мощным литературным потоком протекала и та самая речка Гераклита: то полноводная, то заключенная до поры в подземные трубы, – уйдя в подтекст. У каждого из поэтов есть и оригинальные стихи, так и названные: *Итака* (у Бродского, кроме того, и *Одиссей Телемаку*). В этих (а также и в других) стихах проецируется на „старую канву” античного мифа новый опыт человека

²⁷ Cz. Miłosz, *Szukanie ojczyzny*, указ. соч., с. 181–182.

²⁸ И. Бродский, *Состояние, которое мы называем изгнанием*, указ. соч., с. 27.

²⁹ Там же, с. 28–29.

³⁰ Там же, с. 31.

XX века: Итака не хранит ни верности, ни памяти, но, может, и не нужно ждать от нее этого, а просто быть ей за что-то благодарным. Не хотелось бы, впрочем, чтобы все в этом плане казалось одинаковым. Эти образы неоднозначны ни в поэзии, ни в жизни: если Бродский, возвращаясь мысленно, все же, совсем по Ахматовой, „даже после смерти не вернулся...” (и не вполне ясно, хотел ли приехать в Россию); то два его друга не раз бывали в Польше и Литве и писали об этом в стихах и прозе.

Эти возвращения, кстати, и сами по себе свидетельствуют о новом качестве эмиграции в современном мире. Об этом, пожалуй, сказано Венцловой:

Из Вильнюса я поехал в Россию, потом в Польшу, в конце концов – в США. И каждый раз это было пересечение порога: я менял контекст своей жизни, языковое окружение и в то же время старался сохранить память о том, что испытал и усвоил раньше. Это давало двойную или даже тройную перспективу, возможность оценки одной традиции под углом другой, одного языка под углом другого, что всегда полезно. Может быть, я научился понимать чужую точку зрения в исторических спорах... Глобальное настоящее – это одно большое пограничье: быть в нем заставляет неустанно пересекать границы, неустанно преодолевать изоляцию³¹.

Милош писал о том, что одновременно с постепенным „переформированием чужого в свое” в памяти сохраняется „топография нашего прошлого”³², и так рождается „двойная лояльность”, которая и отличает пришельца-эмигранта от его новых сограждан.

Трех поэтов сближала, как кажется, значительная общность памяти. Их сближали и некоторые обстоятельства: происхождение из общего пространства „rodzinnej Europy”, т.е. Восточной Европы, подтверждая, что „И географии примесь / к времени есть судьба” (Бродский). В эмиграции эта общность как бы высветилась; не случайно в таком контексте их порою и объединяли на Западе:

...настороженное отношение левонастроенных академических элит к Бродскому не отличалось от их отношения к его восточноевропейским друзьям-поэтам – нобелевскому лауреату Чеславу Милошу, преподававшему в университете в Беркли, и литовцу Томасу Венцлове из Йельского университета³³.

Отношение к странам Восточной Европы на Западе неоднозначно и, надо сказать, всем трем поэтам понадобилось немало усилий, чтобы сломать хотя бы часть стереотипов. Книга Милоша *Rodzinna Europa* (1958), в чем-то продолжавшая его же *Zniewolony umysł* (*Порабощенный разум*, 1953; обе переведены на несколько языков), и объясняла „феномен происхождения из той

³¹ Т. В е н ц л о в а, *Пересекая всякие границы*, речь в Сейнах, перевод с польского Н. Горбаневской, „Русская мысль” 6–12.9.01, № 4375, с. 7.

³² Cz. M i ł o s z, *Szukanie ojczyzny*, указ. соч., с. 180.

³³ Александр Батчан. *Колумбийский университет, Нью-Йорк 1982*. В: Иосиф Бродский: *труды и дни*, указ. соч., с. 63.

другой, худшей части Европы, и какие исторические сложности при этом переживаются”³⁴.

Говоря о пространстве в поэзии этих авторов, мы помним о широте его географии, и о глубине историософского постижения мира и человека в мире. У трех поэтов обнаруживается многослойность пространства, насыщенность, оно включает множество „малых”, до которых сужается или от которых расширяется; и эти „малые” пространства конкретны, предметны, порою сужаются до деталей архитектуры.

Для них троих и в бескрайности мирового пространства, и в той „худшей” Европе, такое узко „свое”, общее „свое”, – расположено на окраине империи. „А окраина замечательна тем, – писал Бродский, – что она, может быть, конец империи, но – начало мира. Остального мира”³⁵ (вспомним здесь и известные строки:

Если выпало в империи родиться,
лучше жить в провинции у моря...

(Письма римскому другу)

Это пространство: Литва и Вильнюс, связанное у каждого из поэтов с юностью. Все они писали о нем в стихах, Милош и в многочисленных эссе, кроме того, Милош и Венцлова изложили свои размышления о составляющих и о сложной исторической проблематике этого пространства в письменном диалоге (он опубликован под характерным заглавием *Вильнюс как форма духовной жизни*)³⁶, Венцлова писал о Вильнюсе и как культуролог, Бродским создано два „литовских” цикла. Это пространство они перенесли в творчество. Вильнюс – своеобразный, мультикультурный город, который присваивался и оспаривался разными его культурами и народами, отвоевывался, перенаселялся. А для жителей Советского Союза он (как и Прибалтика вообще) был еще и неким эрзацем Запада. По свидетельству Венцловы,

Это был третий культурный город империи – Москва, Петербург и Вильнюс. В этих трех городах происходила какая-то жизнь. И музыкальная, и литературная, и театральная. В Вильнюсе устраивались важные по тем временам выставки. В Вильнюсе был какой-то андерграунд, и на поверхности было что-то заметно [...] в Вильнюс люди приезжали подышать более вольным и более западным воздухом³⁷.

В этом городе сохранились старые средневековые кварталы, множество костелов, архитектура оригинального позднего „виленского барокко”. От раз-

³⁴ R. G o r c z y Ń s k a, *Podróżny świata. Rozmowy z Czesławem Miłoszem. Komentarze*, Kraków 1992, с. 124 (*Странник мира. Разговоры с Чеславом Милошем. Комментарии*).

³⁵ П. В а й л ь, *Поэты с имперских окраин (Беседа с И. Бродским о Д. Уолкоте)*. В: *Иосиф Бродский: труды и дни*, указ. соч., с. 254.

³⁶ Ч. М и л о ш, Т. В е н ц л о в а, *Вильнюс как форма духовной жизни*, „Синтаксис” (Париж) 1981, № 9, с. 57–100.

³⁷ *Поэзия важнее, чем крестовые походы...*, указ. соч.

народного влияния этого пространства не отказывался ни один из трех поэтов. О формирующем значении архитектуры не раз писал и Венцлова, и Милош – в стихах (*Барокко*) и в прозе, он же говорили о связи поэзии Бродского с архитектурой Петербурга (это, конечно особая тема). Таким формирующим влиянием обладала для всех троих стилистика барокко, ее черты сами поэты (а также их исследователи) обнаруживали в творчестве друг друга. Мне думается, Бродский, родившийся в также многонациональном Петербурге, „разжалованном” из столиц, расположенном на окраине империи и опять же при Балтике, не мог не почувствовать свое родство и с Вильнюсом. Удивительно – и не случайно, он останавливался в Вильнюсе вблизи „своей” же улицы Lejuklos – (букв. Литейни), родственной Литейному проспекту в Петербурге. И несовершенное, конечно, пространство Вильнюса становилось для него местом раздумья о своих корнях и местом обращения ко Всевышнему (*Литовский дивертисмент*).

Ибо именно жизнь в пограничном слое культур порождает иногда нечто большее, нежели терпимость и всеядность: космополитизм в его лучшем и вечном смысле, – так Сергиуш Стерна-Ваховяк писал о Венцлове, но эти слова без сомнения можно отнести ко всем трем поэтам³⁸. Это пространство вошло в их судьбы и поэзию, стало местом встречи, местом проверки каких-то важных экзистенциальных сущностей. Об этом замечательно сказал Милош, имея ввиду *Литовский дивертисмент* Бродского:

Об этом цикле я не могу писать беспристрастно. В этом городе моего отрочества и юности (Вильнюс), тогда польском, я знаю каждый камень. Цикл посвящен нашему общему другу, литовскому поэту Томасу Венцлове. Пространство, созданное стихотворением, в моем восприятии становится областью эмпириев, где три поэта разных национальностей и судеб могут праздновать встречу под носом у действительности³⁹.

Такие встречи (как и вообще выступления) конечно, происходили и в реальности, только в другом пространстве – об этом стихотворение Милоша *Rozmowa (Беседа, из цикла В Йеле, 1991)*.

Мы пили водку – Бродский, Венцлова
 С прекрасной шведкой, я и Ричард
 Возле Art. Gallery, в конце столетья,
 Которое пробудилось как от тяжелого сна
 И удивленно спросило: „Что это было?
 Как мы могли? Расположение звезд,
 Пятна на солнце?
 – Да, История
 Перестает быть понятной. Род человеческий
 Не подчиняется никакому разумному закону,

³⁸ С. С т е р н а - В а х о в я к, *Фигуры времени*, „Старое литературное обозрение” 2001, № 1, с. 218.

³⁹ Ч. М и л о ш, *Борьба с удушьем*, перевод Л. Лосева. В: *Иосиф Бродский: труды и дни*, указ. соч., с. 254.

Границы его природы неизвестны.
Он – не то же самое, что я, ты, человек.
– Человечество, значит, вернулось к любимым занятиям
На большой перемене. Вкус и осязание
Ценит оно. Поваренные книги,
Рецепты превосходнейшего секса,
Средства снижения холестерина,
Быстрого похуденья – вот, что ему нужно.
.....
Мы ли это? О нас ли это? И да и нет.
– Да, сны диктаторов и нам не чужды,
Но мы не выше ли их, легкомысленных,
Мысля о наказании, положенном
Всем, кто чрезмерно любит жизнь?
– Не столь уж легкомысленные, чтут
Новых кумиров в своих новых храмах,
Смерть, побеждаемая ремеслом художника,
Вот что их радует в музейных залах.
.....
– Когда мы думаем о том, что реализовалось
При нашем посредстве, нам чуточку не по себе.
Форма замкнута. Есть, хотя ее не было,
И мы уже не при чем, теперь другие, потомки,
Выберут из нее, что хотят, примут или же уничтожат,
И вместо настоящих нас поставят имена.
– А если б внутренняя грязноватость
И сумасшествие, и стыд, столько стыда,
Не были бы забыты, мы бы предпочитали?
Хотят в нас обрести улучшенных себя:
Пороки – но монументальные, а не смешные.
И часть секретов, но не самых страшных.
(пер. В. Британского)⁴⁰

К содержанию заключительных строф близки рассуждения Бродского о Пушкине из его *Заметок о Соловьеве* (1971)⁴¹.

В этом стихотворении нашел непосредственное выражение тот длительный полилог, который вели поэты. Понятие полилога употребляется здесь в том смысле, в котором оно появилось у Венцовой еще в 1970 году в статье *Kultura ir jos fonas* (*Культура и ее фон*): „При отсутствии диалога и «полилога», дружеского спора с другими культурами, появляется нивелировка, провинциализм»⁴².

⁴⁰ Ч. М и л о ш, *Беседа*, перевод В. Британского, „Старое литературное обозрение” 2001, № 1, с. 151.

⁴¹ И. Б р о д с к и й, *Заметка о Соловьеве*, указ. соч., с. 59–61.

⁴² Т. В е н ц о в а, *Vilties formos*, указ. соч., с. 58.

Милош, как это часто в его поэзии, отталкиваясь от конкретной ситуации, точных деталей (охваченных здесь его своеобразной иронией: пили водку и рассуждали о мировых проблемах...), задавая изначально иронический тон, говорит о вещах чрезвычайно серьезных, о сознании личной ответственности. В соединении иронии и напряженного разговора о болевых вопросах современности воссоздается и философская аура и задушевность дружеской беседы. Триумвират поэтов и есть полилог, в котором стихи становились продолжением бесед, а беседы продолжением стихов. Их полилог стал важной частью современной культуры.

Возвращаясь к эпиграфу, можно сказать, что слово „триумвират” выступает здесь и в первом своем значении: „...поэзия есть искусство императивное, навязывающее читателю свою реальность, – писал Бродский в связи со стихами Венцловы, о котором там же сказано как о поэте, стремящимся оказать влияние на свою аудиторию”⁴³.

В сущности, это относится к каждому из них. Тем более, когда влияние это налицо – и не только на читателей одного с поэтом языка.

Нет необходимости в доказательстве того, что для трех поэтов эмиграция оказалась плодотворной, более того, как написал в воспоминаниях о Бродском Александр Батчан „изгнание, задуманное сильными мира сего как кара, может быть превращено в величайшее благо”⁴⁴.

В условиях XX века, принесшего раскол во многие сферы жизни, когда поэзия оторвалась от массового сознания и стала элитарной, содружество трех поэтов поддержало художественный авторитет Восточной Европы с ее литературными традициями. И по большому счету, триумвират поэтов стал воплощением единства европейской культуры – в этом его огромная общественная ценность.

Конечно такой триумвират предпочтительнее любой иной власти. Закончить хотелось бы тоже словами Милоша: „дружба с Бродским мне очень приятна и очень важна для меня, как и моя дружба с литовским поэтом Томасом Венцловой. Мы, три поэта, сделали больше, чем политики”⁴⁵.

Такая самооценка совершенно согласуется с признаниями Бродского: Я не верю в политические движения, я верю в личное движение. В движение души... Ибо всякое политическое движение есть форма уклонения от личной ответственности за происходящее⁴⁶.

⁴³ И. Б р о д с к и й, *Поэзия как форма сопротивления реальности (1989)*. В: *Сочинения Иосифа Бродского*, т. VII, указ. соч., с. 59–61.

⁴⁴ Александр Батчан. *Колумбийский университет, Нью-Йорк 1982*, указ. соч., с. 66.

⁴⁵ *Гигантское здание странной архитектуры*, указ. соч., с. 315.

⁴⁶ И. Б р о д с к и й, *Писатель – одинокий путешественник...*, указ. соч. В: *Сочинения Иосифа Бродского*, т. VII, указ. соч., с. 64–65.